

ГЕРОНТОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НОРМАТИВНЫХ КРИЗИСОВ

Е.Л. Солдатова, И.Ю. Завьялова

В статье обосновывается актуальность изучения позднего периода онтогенеза, проводится теоретический анализ современных взглядов на проблему изучения развития в поздних возрастах, обосновывается теоретическая модель нормативных кризисов перехода к возрасту мудрости и возрасту личностной интеграции.

Ключевые слова: кризис перехода к возрасту мудрости, кризис перехода к возрасту личностной интеграции, нормативный кризис развития личности.

В современной геронтопсихологии принято считать, что в старости человек не использует все свои резервные возможности, потенциал своего развития, а инволюционные изменения в позднем возрасте сочетаются с новообразованиями прогрессивного характера. Успешность личностного и социально-психологического развития человека во все периоды жизни и особенно в поздние годы зависит от того, насколько он сам выступает субъектом, создателем условий своей жизни [2–4, 6].

Такая позиция в представлениях о развитии в позднем возрасте появилась относительно недавно и до сих пор требует как экспериментального, так и теоретического доказательства.

Долгие годы период старости характеризовался полной незанятостью в обществе, резким сокращением социально значимых ролей, растущей социальной изоляцией, постепенным сокращением круга близких людей, особенно из среды сверстников, физической и умственной недостаточностью. Традиционно проблема старости рассматривалась как проблема преодоления и компенсации неизбежных утрат и их максимальной сглаженности [1].

Негативные стереотипы старости, существующие как в обыденном сознании, так и среди представителей научного мира, долгое время не позволяли ни ученым, ни самим пожилым людям занять акмеистическую позицию в позднем периоде развития. Тем не менее современная демографическая ситуация (в 2004 году в Российской Федерации свыше 20 % населения имели возраст старше 60 лет) и связанные с ней социальные проблемы привели к тому, что представления о старом человеке как о беспомощном пожилым взрослом без каких-либо выраженных желаний всё больше уходят в прошлое.

Современная ситуация развития общества предлагает выделять новую группу социально активных представителей позднего возраста. Н.С. Пряжников называет их «новыми стариками», которые вместо того чтобы ориентироваться на патриархальные представления о старости, стремятся жить полноценной жизнью [8]. М.В. Ермолаева указывает на возможность выделения двух различающихся между собой групп пожилых людей: одни в результате снижения социальной активности обретают время и ресурсы для обращения к себе, другие – суетливо цепляются за жизнь, которая медленно уходит от них [4].

Классический подход в психологии развития связывает основные задачи возрастного развития с достижением мудрости. По Э. Эриксо-ну, достижение чувства полноты жизни, исполненного долга, мудрости возможно в старости лишь в случае позитивного прохождения предшествующих стадий развития. Если же главные задачи предшествующих возрастных периодов не были реализованы, старость сопровождается разочарованием, отчаянием и страхом смерти [10]. Однако анализ исследовательских подходов и эмпирических данных позволяет говорить о возможности целенаправленного формирования благоприятного развития в позднем периоде жизни.

Анализ результатов современных отечественных геронтопсихологических исследований показывает, что достижение благоприятной старости может быть связано:

- с принятием своего жизненного пути (А.Г. Лидерс);
- стратегией адаптации к старости, совладания с ней за счет сохранения себя как личности, а не как индивида (М.В. Ермолаева);
- уровнем активности, стратегиями совладания с трудностями, отношением к миру и

себе, удовлетворенностью жизнью (Л.И. Анциферова).

Таким образом, благополучие позднего периода жизни определяется не конкретными свойствами личности, а изменением системы её отношений. Уместно предположить наличие некоторой точки бифуркации, локализуемой в кризисном периоде развития личности, являющемся, в силу своей необходимости, нормативным возрастным явлением. Как следствие, степень благополучия старости определяется прохождением нормативного кризиса развития личности.

В концепции нормативных кризисов взрослости Е.Л. Солдатовой уточнена их фазовая динамика [9]. Зародившиеся в предшествующей стабильной стадии новообразования в дебюте нормативного кризиса (I фаза) усиливаются открытием новой возрастной формы развития и изменившейся объективно системой отношений. Актуализируясь, эти образования осознаются как более соответствующие новым возрастным задачам, что приводит к фиксации на них.

По мере прохождения кризиса идеальный образ нового вступает в конфликт с реальностью (сложившимися индивидуально-личностными особенностями, социальными отношениями), что приводит к внутреннему конфликту и переживаниям несоответствия себе, сомнениям в собственной системе ценностей, в собственных целях (II фаза кризиса).

Выход из кризиса (III фаза) связан с адаптацией к задачам и присвоением (персонализацией) личностных новообразований [9].

Старость как возрастно-психологическая эпоха состоит из нескольких возрастных периодов. А.Г. Лидерс выделяет два таких периода – пожилой возраст и старческий возраст [7]. На наш взгляд, в связи с представлениями о возрастных задачах развития [9, 10] корректным является выделение двух нормативных возрастных кризисов – кризиса перехода к возрасту мудрости (55–70 лет) и кризиса перехода к возрасту личностной интеграции (старше 70 лет). Точные возрастные границы кризисов требуют своего уточнения в связи с гендерной гетерохронностью и социальной ситуацией развития конкретных поколений.

Проведенный теоретический анализ позволяет предположить следующее содержание выделяемых кризисных периодов.

Кризис перехода к возрасту мудрости. Задачи возраста: снижение роли карьеры [3], установление межличностных отношений вне семьи [4], переоценка ценностей, анализ прожитой жизни [7], смирение с «истаиванием деятельностной формы бытия» [5], связанного

с пониманием роли и места своей деятельности в историческом и общественном процессе.

Сутью данного кризиса развития является кризис стагнации [3]. Завершение кризиса связано с решением вопроса о прекращении профессиональной деятельности; о том, чем заполнить свою жизнь за пределами активной включенности в производительную жизнь общества. Переход этой границы и есть вступление в следующую фазу жизни.

Кризис перехода к возрасту личностной интеграции. Задачи возраста: адаптация к физическим изменениям, освоение жизни в условиях большей зависимости от других людей [3], перенос энергии на другие формы активности и на новые роли [4], оценка прошлой жизни [9], переживание смерти близких и ожидание собственной смерти.

Сутью этого кризиса развития является кризис значимости [3], который проходит благоприятно в том случае, если человек может принять свой жизненный путь как исторически значимый, единственно должный и не нуждающийся в замене. Неблагоприятное же течение кризиса сопровождается чувством отчаяния [10].

Таким образом, выделяются два критических периода в позднем развитии личности, в ходе которых изменяется система отношений личности и формируется новообразование личности.

Теоретическая модель динамики проживания нормативных кризисов перехода к возрасту мудрости и к возрасту личностной интеграции, следуя логике концепции нормативных кризисов взрослости Е.Л. Солдатовой, может быть представлена в следующем виде.

I фазе нормативных кризисов развития личности соответствует предрешенная эго-идентичность, характеризующаяся отсутствием целостного представления о себе во временном континууме, неструктурированным и формализованным образом будущего [9]. Первой фазе нормативного кризиса перехода как к возрасту мудрости, так и к возрасту личностной интеграции, предположительно, соответствуют негативные эмоциональные переживания и низкая удовлетворенность жизнью.

В апогее нормативных кризисов взрослости (II фаза) выражен диффузный статус эго-идентичности, среди основных характеристик которой можно выделить отсутствие тождественности себе во времени; острые переживания неудовлетворенности жизнью; отсутствие жизненных перспектив; тревожно-неопределенный образ будущего; утрата

интереса к происходящему; высокий уровень недоверия собственным ресурсам; низкий креативный потенциал; выраженные сомнения в себе, собственных целях; уход в фантазии, неуверенность, подозрительность, ощущение собственного неблагополучия, несостоятельности.

Вероятнее всего, к ресурсам переживания острой фазы нормативного кризиса в этот период будут относиться: личностная зрелость (которая в целом является залогом нормативного проживания кризисных периодов возрастного развития); поддержка и уважение со стороны семьи и близких людей; активность (выраженная в наличии хобби, участии в общественной деятельности, выполнении сильной работы). Личностная зрелость или готовность к переходу к следующему возрастному этапу зависит от личностных новообразований и проявляется в различных аспектах мудрости и личностной интеграции.

В III фазе нормативного кризиса достигается автономная эго-идентичность, личность приобретает целостность, формулирует новые задачи, смыслы развития и существования, приобретает уверенность в собственной способности изменять ориентиры, контролировать ход собственной жизненной истории. Тожественность себе во времени выражается в принятии себя и изменений в настоящем, прошлом и будущем. Образ будущего структурирован и в целом положителен и реалистичен [9].

Целью дальнейших эмпирических и теоретических исследований может быть уточнение специфики, ресурсов и путей проживания нормативных кризисов перехода к возрасту мудрости и к возрасту личностной интеграции. На основе этого возможно формирование программы психологической помощи людям

во время проживания этих нормативных кризисов развития личности.

Литература

1. Александрова, М.Д. Проблемы социальной и психологической геронтологии / М.Д. Александрова. – Л.: ЛГУ, 1974. – 135 с.
2. Анциферова, Л.И. Психология старости: особенности развития личности в период поздней взрослости / Л.И. Анциферова // Психологический журнал. – 2001. – № 3. – С. 86–99.
3. Гершкович, Т.Б. Поздний возраст и стратегии его освоения / Т.Б. Гершкович, Н.С. Глуханюк. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2003. – 112 с.
4. Ермолаева, М.В. Практическая психология старости / М.В. Ермолаева. – М.: Изд-во «ЭКСМО-Пресс», 2002. – 320 с.
5. Исаев, Е.И. Психология развития человека / Е.И. Исаев, В.И. Слободчиков. – М.: Школьная пресса, 2000. – 323 с.
6. Краснова, О.В. Социальная психология старения как основная составляющая социальной геронтологии / О.В. Краснова // Мир психологии. – 1999. – № 2. – С. 96–106.
7. Лидерс, А.Г. Кризис пожилого возраста: гипотеза о его психологическом содержании / А.Г. Лидерс // Психология зрелости и старения. – 2000. – № 2. – С. 6–11.
8. Пряжников, Н.С. Личностное самоопределение в преклонном возрасте / Н.С. Пряжников // Мир психологии. – 1999. – № 2. – С. 111–123.
9. Солдатова, Е.Л. Нормативные кризисы развития личности взрослого человека: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / Е.Л. Солдатова. – Екатеринбург, 2007. – 43 с.
10. Эриксон, Э. Детство и общество / Э. Эриксон. – СПб.: Лет. сад, 2000. – 415 с.

Поступила в редакцию 21.11.2012 г.

Солдатова Елена Леонидовна. Доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск; 8(351)2679896.

Elena L. Soldatova. Doctor of Psychological Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Psychology of South Ural State University, Chelyabinsk; 8(351)2679896.

Завьялова Ирина Юрьевна. Аспирант кафедры «Психология развития», Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: irinamai-5@mail.ru.

Irina Y. Zavyalova. Post-graduate student of development psychology department of South Ural State University. E-mail: irinamai-5@mail.ru.